

Научная статья
УДК 316.74
DOI: 10.18101/1994-0866-2023-1-31-39

РЕЛИГИОЗНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В БУРЯТИИ

© **Чимитова Ирина Зоригтоевна**

кандидат социологических наук, доцент,
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Р. Филиппова
Россия, 670024, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8
rindaol@mail.ru

© **Серебрякова Зоя Александровна**

доктор филологических наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
Россия, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1
serebryakovaza@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам понятия религиозной толерантности: ее обозначению, определению, субъектам и объектам, основным уровням. Предлагается дифференциация понятий межконфессиональной толерантности, внутриконфессиональной толерантности, веротерпимости и религиозной толерантности. Авторы считают необходимым более строгое и обоснованное применение ключевых терминов, а также более внимательное отношение к характеру различий как основанию для дифференциации форм религиозной толерантности. Выявляются различия между религиозной толерантностью и межэтнической, религиозной и этнической самоидентификацией. Проявления разных форм религиозной толерантности иллюстрируются примерами такого российского региона, как Бурятия, в котором сложились позитивные традиции межконфессионального взаимодействия, обусловленные конфессиональной политикой Российского государства, спецификой Сибири, а также особенностями буддизма и православия как доминирующих религий Бурятии, взаимно толерантных и мирно сосуществующих с иными конфессиями.
Ключевые слова: религия, религиозная толерантность, межконфессиональная толерантность, веротерпимость, буддизм, православие, межконфессиональное взаимодействие, конфессиональная политика, Россия, Сибирь, Бурятия.

Для цитирования

Чимитова И. З., Серебрякова З. А. Религиозная толерантность и ее проявление в Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2023. Вып. 1. С. 31–39.

Значительная часть истории человечества, в том числе и современный период, характеризуется сложным и противоречивым взаимодействием сторонников разных верований, культов и систем, а также верующих и неверующих. Различия в их отношении к религии часто приводили и продолжает приводить к спорам, дискуссиям и столкновениям, в том числе и к проявлениям непримиримости и агрессивности.

Расширение социальных контактов в настоящее время сопровождается ростом интенсивности коммуникации людей и общностей различной религиозной

ориентации. Это обуславливает актуальность проблемы толерантности в сфере религиозных отношений, необходимости установления и поддержания баланса в этой области.

Вместе с тем во многих регионах России сложились прочные традиции веротерпимости. «Все религии, и прежде всего наиболее массовые традиционные российские конфессии, обладают солидным позитивным социальным и нравственным потенциалом, способным содействовать преодолению негативных общественных явлений, распространению толерантных идей» [1, с. 46].

Прежде чем рассмотреть особенности религиозной толерантности и ее проявления в Бурятии, необходимо уточнить некоторые аспекты религиозной толерантности. Чтобы не отвлекаться на обсуждение подходов и позиций относительно религиозной толерантности, предлагаем рассматривать ее как принцип функционирования религиозного сообщества и способность человека принимать различия в религиозных убеждениях, уважать или, по меньшей мере, терпимо относиться к представителям других конфессий или людям с атеистическими взглядами, цивилизованно разрешать возникающие разногласия.

К религиозной сфере применима дифференциация двух основных уровней толерантности и ее форм, например межэтнической, осуществляемой на уровне как общества (конфессии, религия как социальный институт, религиозные общины и пр.), так и личности. В качестве личности, проявляющей религиозную толерантность, могут выступать как представители конфессий, их ответвлений, так и сторонники атеистических взглядов.

Толерантность в религиозной сфере чаще всего обозначают такими терминами, как межконфессиональная толерантность, религиозная толерантность, веротерпимость и др. Полагаем, что основанием их дифференциации выступают виды субъектов толерантных отношений. Если речь идет о взаимодействии представителей разных конфессий, то логично говорить о межконфессиональной толерантности. В случае контактов сторонников разных течений одной и той же религии закономерно называть их внутриконфессиональной толерантностью. Обозначением более общего порядка целесообразно считать понятие религиозной толерантности, которое кроме перечисленных аспектов включает и взаимно толерантное отношение между верующими и неверующими. Объектами толерантности в сфере религии выступают индивиды, их общности как представители конфессий и носители соответствующих вероучений, а также атеисты.

Понятие веротерпимости часто употребляют как тождественное понятию религиозной толерантности. Полагаем, что целесообразным было бы более строгое применение этих терминов, которое могло бы опираться на дифференциацию толерантности В. А. Лекторским [2] и П. Гречко [3].

По мнению В. А. Лекторского, исходной формой толерантности является выражение безразличия при невозможности взаимопонимания между субъектами, каждый из которых допускает существование другого, и это минимум проявления толерантности.

В. И. Самохвалова верно отмечает амбивалентность такой формы толерантности, ее равнодушие к добру и злу [4, с. 30]. Данная форма толерантности не

исключает ситуации, когда «один из субъектов может отправить безответное сообщение, а если и будет получен ответ, он может быть формальным, не касающимся существа и смысла и выражать то же безразличие» [5, с. 29].

Разные конфессии, группы внутри них, существенно различающиеся между собой, их представители, выражаясь словами В. А. Лекторского, «не могут взаимодействовать друг с другом, ибо замкнуты на себя, несоизмеримы друг с другом ...они как бы не касаются друг друга, существуя по сути дела в разных мирах... нельзя одновременно жить в двух разных мирах» [2, с. 50].

Примером такого сосуществования являются некоторые самоизолирующиеся религиозные группы, не доминирующие ни в мировых религиях, ни в их основных течениях, считающие себя носителями религиозной истины и «рассматривающие всех остальных верующих как безнадежно погрязших в грехе и лишенных даже надежды на спасение» [6, с. 86]. Если они воздерживаются от участия в обсуждении вопросов веры с представителями прочих взглядов, избегая тем самым взаимных претензий, то подобные отношения иллюстрируют минимальную степень религиозной толерантности.

В. А. Лекторский выделяет и такой нюанс выражения безразличия, как наличие в нем признания разнообразия, и в этом проявляется минимальное внимание к носителям иных религиозных взглядов, а это выражает большую лояльность к объекту, чем равнодушие, граничащее с игнорированием. При этом субъекты взаимодействия должны быть чрезвычайно предупредительны, т. к. проявляемая ими толерантность весьма неустойчива.

Обе эти формы религиозной толерантности можно считать проявлениями веротерпимости. Говоря о веротерпении, П. Гречко отмечает в нем «явный дискомфорт от присутствия чего-то чуждого, напряженное ... сдерживание негативных эмоций, вынужденное принятие разномыслия, невольное попустительство и многое другое в том же роде» [3, с. 175].

Более лояльную к субъекту форму толерантности В. А. Лекторский назвал снисхождением, и его позитивным моментом является уже не безразличие, а проявление какого-то внимания субъекта к объекту толерантного отношения.

Если В. А. Лекторский предложил иерархию толерантности, то П. Гречко исходя из сущности и характера различий обозначил ее границы. Прежде всего, рассмотрим выделенные П. Гречко простые различия повседневности, для улаживания которых субъекты должны проявить вежливость, предупредительность, тактичность. Автор называет в этом ряду также и великодушие [3, с. 175], но, по нашему мнению, это понятие характеризует более глубокие отношения, выходящие за рамки рядового общепринятого взаимодействия между малознакомыми или вовсе незнакомыми людьми.

По мнению М. К. Мамардашвили, великодушие — это способность великой души вместить весь мир и быть недовольным в этом мире лишь собой, «свобода и власть над самим собой, свобода и власть распоряжаться собой, своими намерениями, потому что ничто другое нам не принадлежит» [7, с. 15–16].

Думается, не случайно В. С. Соловьев отмечал тесную связь терпеливости и «великодушия, или духовного мужества» [8, с. 194]. Как и многие другие мыслители, Соловьев акцентировал внимание на нравственной доминанте толерантно-

сти. Действительно, человеку необходимо величие души и духовное мужество для уважения к убеждениям и ценностям других людей, в том числе религиозным.

Во вторую группу П. Гречко включает различия существенные, «на которые человек способен влиять, которые он может изменять и выбирать (убеждения, мысли, действия)» [3, с. 176].

Характеризуя самые глубокие существенные различия между субъектами коммуникации, которые сопровождаются напряженностью, П. Гречко считает, что в таких отношениях от субъектов требуется терпимость [3, с. 176]. Полагаем, что характер реакции в данных обстоятельствах зависит от качеств субъекта: кто-то сможет воспринять оппонента не агрессивно (и это будет максимумом, на который он способен), другой реагирует на оппонента более лояльно, проявляя терпимость в подлинном значении этого слова, а некоторым по силам проявить уважение и понимание позиции носителя иных убеждений [9, с. 22–23]. Это будет толерантностью в наивысшей форме ее проявления, признаками которой, по мнению В. А. Лекторского, являются равноправие и взаимное уважение субъектов. Конкретные примеры проявления межконфессиональной толерантности приводятся ниже применительно к рассматриваемому региону.

В отличие от межэтнической толерантности, субъекты которой должны принимать этничность другого человека, т. е. его антропологические признаки, закодированные природой (например, цвет кожи) или культурой (например, материнский язык, этническую самобытность) как данность, на которую никак нельзя повлиять, субъекты религиозной толерантности часто движимы желанием блага: переубедить иноверца, чтобы спасти его и его душу. Подобными устремлениями руководствуется такой верующий, невзирая на существенные идейные различия во взглядах.

Максимальную толерантность проявляет тот, кто, будучи искренним приверженцем собственной религии, ценит и уважает подобную «крепость в вере у иноверца... Именно на таком пути возможно действительное духовное единение между приверженцами различных религий» [1, с. 179].

Принципиальные расхождения представителей различных конфессий в подходах могут существенно осложнять их отношения, препятствовать веротерпимости. «Разновекторность мировоззренческих детерминант, лежащих в основе религиозных систем, имеющих различную конфессиональную окраску, объективно уменьшает степень толерантности на доктринальном и обыденном уровнях религиозного сознания. И, несмотря на декларации международных правовых источников и их отражение в национальных правовых системах, имманентное противоречие религиозных культур будет являться объективным источником скрытой конфликтности» [10, с. 18].

Параметры межэтнической и религиозной самоидентификации не совпадают и в том, что этническая самоидентификация гибче, и для грамотного человека вполне понятны идеи единства человечества, глобальных миграций, постоянного взаимодействия народов и т. п.

Религиозная самоидентификация иная: «Человек может быть наполовину русским и наполовину татарин, но ему будет сложно осознать себя наполовину православным и наполовину мусульманином [11, с. 14]. Более сложный характер самоидентификации конфессиональной связан, очевидно, с концептуальной основой вероучений, которая является базой мировоззрения индивида.

Отношения между религиями Бурятии обусловлены такими основными факторами, как конфессиональная политика российского государства, специфика Сибири, а также особенности буддизма и православия как доминирующих конфессий Бурятии.

Россия издавна складывалась как поликонфессиональная страна. Процесс становления ее как империи сопровождался присоединением к ней вместе с новыми землями и представителей разных верований. Отношения между государством и носителями отличных от доминирующего православия религий носили довольно сложный характер: имели место периоды преследования старообрядцев, мусульман и других иноверцев, но со временем, особенно в последние столетия существования империи, политика государства стала более гибкой и прагматичной, учитывающей специфику местных условий.

Конфессиональная политика в Сибири в целом была более веротерпимой, чем в других частях страны, и состав ее населения пополнился представителями католицизма, иудаизма, протестантизма, мусульманства и иных религий, призванных, по мнению властей, способствовать освоению отдаленных от центра огромных пустующих пространств с суровым климатом и неразвитой инфраструктурой.

Появление в Бурятии русских землепроходцев и переселенцев с запада страны сопровождалось включением в совокупность местных верований, представленных политеизмом, анимизмом, шаманизмом, а позже также и буддизмом, официального православия Русской православной церкви (РПЦ) и старообрядчества. Как и в остальной Сибири, присоединение Бурятии было длительным и сложным, однако главная тенденция была связана с сохранением самобытности новых подданных. Они были включены в состав России «с правом на свои земли, свой образ жизни, свою культуру и даже конфессиональную принадлежность...» [12, с. 61]. Достаточно вспомнить разработанный М. М. Сперанским «Устав об управлении инородцев», явившийся попыткой официального установления религиозной толерантности в поликонфессиональной Сибири.

Доминирующая в стране РПЦ в стремлении к росту численности паствы за счет обращения аборигенного населения предпочитала, главным образом, экономические методы. Иногда, приспосабливаясь к обстоятельствам, она использовала верования аборигенного населения и, в частности, обращалась к шаманскому культу предков [13, с. 355].

Со временем местные верования, буддизм и православие приобрели статус традиционных для региона религий, которые в итоге мирно уживались между собой и иными конфессиями. Взаимную толерантность проявляли все: и руководство, и рядовые священнослужители местных отделений конфессий, и местные сообщества верующих, и конкретные люди.

Одним из исторических фактов была деятельность буддийского духовенства в период Отечественной войны 1812 г., вышедшая «далеко за рамки простого пожертвования материальных ценностей, поскольку именно буддизм на территории Бурятии во многом способствовал тому, чтобы коренное население воспринимало далекую войну как свою, для победы в которой необходимо было приложить собственные усилия» [13, с. 116.].

Многочисленны свидетельства того, что население разного вероисповедания, тесно соприкасавшееся в повседневной жизни, часто не только показывало свою веротерпимость, но и по собственной инициативе заимствовало элементы культуры, в том числе религиозной, друг друга. Бытовало двоеверие и троеверие. Одно из таких свидетельств принадлежит перу Г. М. Осокина: «О взаимном уважении русских и бурят к службам и обрядам друг друга. Так, например, нередко можно было наблюдать монголов и бурят, зашедших в православную церковь во время богослужения не ради интереса, но и для молитвы <...>. При встрече с церковными процессиями "инородцы" часто снимали шапки, особенно это замечалось среди живущих с русскими.

Такое отношение к чужой религии ничем иным, конечно, не объясняется, как только взаимным уважением двух разных по верованию народностей» [14, с. 150–151]. Сходные по содержанию наблюдения оставили Н. В. Паршин, Н. Астырев, Т. И. Тихонов и другие.

В этом регионе толерантные практики в религиозной сфере начинали складываться задолго до государственных инициатив и наряду с ними. Хотя конфессии и соперничали, но в основном они мирно сосуществовали, их храмы нередко располагались по соседству, а верующие проявляли отмеченную выше веротерпимость.

В советский период вопрос о религиозной толерантности не стоял, но в конце прошлого века он вновь актуализировался. Юридической основой выстраивания конфессиональных отношений в нашей стране стала Конституция Российской Федерации 1993 г., гарантировавшая равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии (ч. 2 ст. 19 Конституции), свободу совести и свободу вероисповедания, право исповедовать индивидуально или вместе с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними (ст. 28 Основного закона России).

В законодательстве РФ провозглашается равенство конфессий, принцип уважения христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России. При этом подчеркивается особая роль православия в истории страны, в становлении и развитии ее духовности и культуры. В дополнение к федеральным законам в Бурятии действует закон «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» (1997).

Население полиэтнической Бурятии свободно самоопределяется в сфере религии. На ее территории действуют религиозные сообщества разного толка. Что

касается титульного этноса, то доминирующей религией бурят ныне стал буддизм. Увеличилась численность православных [15, с. 280, 282].

Уровень толерантности верующих в определенной степени обуславливается особенностями конкретных религиозных систем. В Бурятии доминирующими вероучениями в течение нескольких веков являются буддизм и православие. Следует особо отметить толерантность буддизма к другим верованиям. «Распространяя толерантность и за пределы общества, на все живое, буддизм лоялен к иным вероучениям. Шаманизм во многом созвучен ему в отношении к природе» [5, с. 126]. Буддизм направлен преимущественно на постижение сути мироздания, а также спасение всего живого на земле. «Высшая цель для приверженцев махаяны — не нирвана, а состояние бодхисаттвы, существа, суть которого — в его любящем сердце, и объект этой любви — весь мир» [16, с. 74–75]. Что касается православия, как и христианства в целом, то оно сосредоточено на духовной жизни человека.

Тем не менее ядром обеих конфессий являются фундаментальные общечеловеческие ценности. Именно к ним призывают мировые лидеры христианства и буддизма, авторитетные религиозные деятели. По мнению одного из инициаторов диалога между христианством и тибетским буддизмом отца Джеймса (Вайземана), «в обеих традициях главное — это любовь и сострадание. А также неустанный поиск истины и мудрости» [17, с. 115].

Трудно переоценить огромное общекультурное значение буддизма и православия в Бурятии. Усилиями священнослужителей распространялись грамотность и просвещение. Они были авторами научных трудов, словарей, учебной и дидактической литературы, создавали фонды письменных источников, организовывали издательское дело, школы, училища, преподавали в них, занимались переводами духовных сочинений, их популяризацией, способствовали развитию иконописи, изобразительного и прикладного искусства и т. д.

Толерантность в сфере межрелигиозных отношений является основным условием установления и поддержания диалога участников этих отношений. Такой диалог на протяжении веков существует в многоконфессиональной Бурятии, где с почтением относятся «к святыням и обрядам всех традиционных религий» [13, с. 370].

Не составляет исключения и современное население региона. Согласно одному из опросов верующих о возможности заключения брака с людьми иной конфессиональной принадлежности, отрицательное отношение выразили 8,9% буддистов, 16,6% православных и 51,3% протестантов. Допустимым, хотя и нежелательным сочли, это 46,7% буддистов, 44,4% православных и 35,1% протестантов. Мнение, что религиозная принадлежность в браке не важна, высказали 35,5% буддистов, 31,2% православных и 6,8% протестантов [18, с. 85]. Очевидно, что упомянутый выше позитивный потенциал традиционных конфессий в Бурятии реализован.

Таким образом, основными причинами межконфессиональной толерантности в Бурятии выступают конфессиональная политика России, специфика Сибири, а также особенности православия и буддизма как доминирующих конфессий Бурятии.

Литература

1. Толерантность / под общей редакцией М. П. Мчедлова. Москва: Республика, 2004. 416 с. Текст: непосредственный.
2. Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. 1997. № 11. С. 46–54. Текст: непосредственный.
3. Гречко П. О границах толерантности // Свободная мысль XXI. 2005. № 10. С. 173–182. Текст: непосредственный.
4. Самохвалова В. И. Идентичность, норма и пределы толерантности // Философские науки. 2008. № 4. С. 26–45. Текст: непосредственный.
5. Чимитова И. З. Межэтническая толерантность и согласие в современном российском обществе: региональный аспект // Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2021. 176 с. Текст: непосредственный.
6. Глаголев В. С. Межконфессиональные диалоги современности: предпосылки, условия, тенденции и лимиты // Межконфессиональные отношения на рубеже тысячелетий: материалы международной научно-практической конференции (14–15 июня 2007 г., г. Улан-Удэ). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 85–92. Текст: непосредственный.
7. Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. Москва: Прогресс; Культура, 1993. 352 с. Текст: непосредственный.
8. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения: в 2 томах / составление и вступительная статья А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги; примечания С. Л. Кравца и др. Москва: Мысль, 1988. Т. I. С. 47–548. Текст: непосредственный.
9. Чимитова И. З. Границы и формы толерантности // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2018. № 3. С. 19–24. Текст: непосредственный.
10. Арзуманов И. А. Нормативно-правовые аспекты идеологических детерминант вероисповедной политики России XX–XXI вв. // Межконфессиональные отношения на рубеже тысячелетий: материалы международной научно-практической конференции (14–15 июня 2007 г., г. Улан-Удэ). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 14–21. Текст: непосредственный.
11. Бутенко М. Э. Межконфессиональные отношения и выработка государственно-конфессиональной программы // Байкальские встречи — III: культуры народов Сибири: материалы III Международного научного симпозиума (13–15 июня 2001 г., г. Улан-Удэ). Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2001. Т. II. С. 14–20. Текст: непосредственный.
12. Павлинская Л. Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). Санкт-Петербург: Европейский дом, 2008. 256 с. Текст: непосредственный.
13. История Бурятии: в 3 томах. Т. II. XVII — начало XX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 624 с. Текст: непосредственный.
14. Осокин Г. М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. Санкт-Петербург: Тип. А. С. Суворина, 1906. 304 с. Текст: непосредственный.
15. Буряты в этнополитическом пространстве России: от империи до федерации / Б. В. Базаров, М. Н. Балдано, О. В. Бураева [и др.]. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 320 с. Текст: непосредственный.
16. Альбедиль М. Ф. Буддизм. Санкт-Петербург: Питер, 2006. 208 с. Текст: непосредственный.
17. Урбанаева И. С. Принципы и сфера межконфессионального диалога и сотрудничества // Межконфессиональные отношения на рубеже тысячелетий: материалы международной научно-практической конференции (14–15 июня 2007 г. Улан-Удэ). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 111–116. Текст: непосредственный.

18. Батомункуев С. Д. Постсекулярная религиозность в Бурятии: сравнительный анализ конфессий // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2017. № 2(26). С. 81–90. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 13.01.2022; одобрена после рецензирования 06.02.2023; принята к публикации 20.02.2023.

RELIGIOUS TOLERANCE AND ITS MANIFESTATION IN BURYATIA

Irina Z. Chimitova

Cand. Sci. (Sociol.), A/Prof.,
Filippov Buryat State Agricultural Academy
8 Pushkina St., Ulan-Ude 670024, Russia
rindaol@mail.ru

Zoya A. Serebryakova

Dr. Sci. (Phil.), A/Prof.,
East-Siberian State Institute of Culture
1 Tereshkovoy St., Ulan-Ude 670031, Russia
serebryakovaza@mail.ru

Abstract. The article deals with several aspects of the concept of religious tolerance: its denotation, definition, subjects and objects, and the main levels. It is proposed the differentiation of the concepts of inter-confessional tolerance, intra-confessional tolerance, liberal attitude towards religion and religious tolerance. We believe that more rigorous and substantiated use of key terms as well as sensitivity to the nature of differences as a basis for differentiating forms of religious tolerance are necessary. The article reveals the differences between religious and inter-ethnic tolerance, religious and ethnic self-identification, illustrates the manifestations of various forms of religious tolerance by an examples of the Russian region of Buryatia, which has positive traditions of inter-religious interaction, due to the confessional policy of the Russian state, the specificity of Siberia, as well as Buddhism and Orthodoxy as the dominant religions of Buryatia, which are mutually tolerant and peacefully coexist with other confessions.

Keywords: religion, religious tolerance, interfaith tolerance, liberal attitude towards religion, Buddhism, Orthodoxy, interconfessional interaction, confessional policy, Russia, Siberia, Buryatia.

For citation

Chimitova I. Z., Serebryakova Z. A. Religious Tolerance and Its Manifestation in Buryatia. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2023; 1: 31–39 (In Russ.).

The article was submitted 13.01.2023; approved after reviewing 06.02.2023; accepted for publication 20.02.2023.